

ПОСЛЕДНЕЕ ПОРУЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Ногами человек должен вращать в землю своей родины, но глаза его пусть обозревают весь мир.

Сантаяна

Дипломат служит не тому или иному режиму, а своей родине.

Силва Паранос

На родине у тебя и прошлое и будущее. В чужом краю - одно лишь настоящее.

Гиршфельд

Татищев ехал в столицы, рассчитывая остаться в Москве или Петербурге и, по крайней мере, не возвращаться на Урал. Он откровенно говорил Геннину, что не станет работать под началом Михаэлиса, которого он не ценил как специалиста и презирал как человека. Весьма нелестно отзывался Татищев и о работниках Берг-коллегии, исключая Брюса и отчасти Любераса. И конечно, оснований у него для этого было вполне достаточно. Известная натянутость сохранялась и в его отношениях с Геннином. Хотя последний и оправдал его в глазах царя, но неприязни к «калмыцкой роже» он все-таки, особенно поначалу, не скрывал. Татищев не мог простить Геннину и высокомерного пренебрежения, и мелочности в ходе розыска. Был и еще один источник разногласий как с Геннином, так и с немецким руководством Берг-коллегии. Выделенное в качестве особого сибирского подразделения коллегии Высшее горное начальство, как было сказано, Геннин и коллегия переименовали в Обер-бергамт. Татищев же этого переименования не принял и во всех письмах и документах пользовался прежним, им самим предложенным названием. Татищев был весьма свободен в вопросах вероисповеданий и ни в коей мере не страдал национальной [100] ограниченностью. Он, как можно было видеть, привлекал знающих людей отовсюду, где только мог их найти, не спрашивая ни о национальности, ни о вере, ни о социальной принадлежности. Но все-таки он был убежден, что руководить делом может успешно и надежно только русский человек. Геннин считал естественным, что русскими специалистами руководят иностранцы (даже не слишком подготовленные и не очень болеющие за дело). Татищев был убежден, что по-настоящему болеть за дело может только русский человек, а потому он и должен руководить работой иностранцев.

О настроениях Татищева Геннин сообщил в особом доношении от 28 августа 1723 года Брюсу. Коллегия предложила Геннину потребовать от Татищева письменного объяснения: «Для чего он, кроме генерал-фельдцейх-мейстера, кавалера и президента графа Якова Вилимовича, также и без тебя генерал-майора, под ведением Берг-коллегии быть не может, ниже не хочет? И какая явная неправда от оной коллегии ему, капитану, учинена? И на какие его предложения к пользе и службе его имп. вел. касающихся интересов ни в малом, в чем никакой резолюции не учинено? И какое ему в том помешательство чинили? И в чем виноваты были в ссоре его с Демидовым? И для чего он, капитан, в бытность свою в Сибири и в

Москве, ежели на доношения его от Берг-коллегии резолюции какой не учинено, о том в Берг-коллегию не доносил?»

Вполне вероятно, что взаимное неудовольствие во многом явилось следствием все тех же интриг Демидовых и, может быть, кого-то еще, в результате чего была нарушена нормальная деловая переписка. И в это время обе стороны еще не знали о действительных размерах этих нарушений. Но объясняться с начальством из коллегии, да еще в письменном виде, Татищеву, конечно, не хотелось, и он с этим не торопился. Геннин сообщил в коллегию, что «Татищев ныне не имеет времени, за отъездом, ответственать». Разумеется, дело заключалось не во времени. Татищев искал возможности как-то иначе разрешить свои разногласия с коллегией.

В Москву Татищев прибыл в конце 1723 года. В связи с предстоящей коронацией Екатерины сюда должен был вскоре прибыть и император со своим двором. Но Петр задерживался, и Татищев проехал в Петербург, где он в январе 1724 года изложил Петру [101] просьбы и предложения, подготовленные им совместно с Геннином. Видимо, тогда же он просил подыскать ему какое-нибудь иное дело. В частности, возобновился разговор о межевании. Дело это за прошедшие три года с места не сдвинулось, и Петр дважды напоминал Татищеву об ускорении расчетов: сколько нужно будет специалистов и сколько будет стоить все мероприятие. Вопрос об уральских обязанностях Татищева пока оставался открытым. Но Татищев был взят ко двору. Император явно с повышенным интересом присматривался к деятелю, который по уровню знаний и организаторских способностей вполне мог бы занять высокое положение в правительстве. Но за Татищевым уже тогда тянулся шлейф сплетен и подозрений, связанных с его слишком вольным образом мыслей и независимым характером. Петр, очевидно, не из простого любопытства заводит с Татищевым разговоры на самые различные темы, связанные с вопросами государственного устройства, политики, религии, наук. Петр проявлял неизменный интерес к мнению Татищева. Мнение это почти всегда было оригинально. Но не всегда оно могло понравиться императору. Известный автор «Деяний Петра Великого» И. И. Голиков уверяет даже, что Петр однажды, когда Татищев публично осмеивал Священное писание, пустил в ход свою знаменитую дубинку, приговаривая: «Не соблазняй верующих честных душ, не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству. Не на тот конец старался я тебя выучить, чтоб ты был врагом общества и церкви».

Голиков, конечно, отразил придворную сплетню. Но суть опасений императора она отражает достаточно верно. Царь и сам не любил церковников и не смущался общением с иноверными. Однако он понимал, конечно, значение истинной веры для социальных низов и вообще для благоустройства страны. Татищев мог его пугать чрезмерной свободой суждений в некоторых вопросах.

Известные разногласия возникали даже при обсуждении вопросов распространения наук. Сам Татищев вспоминал позднее о разговоре в летнем доме императора, связанном с подготовкой к открытию Академии наук. Лейб-медик Блюментрост, исполнявший обязанности президента будущей академии, попросил Татищева приглашать ученых из Швеции (куда в это время [102] готовился он ехать) «в профессора». Татищев по этому поводу рассмеялся: «Ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет». Петр вступил в разговор, попросив разъяснить, что имеет в виду Татищев. А Татищев имел в виду то, что начинать надо снизу, а не сверху: «Ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ, академия оная, с великим расходом будет бесполезна». Петр ответил в тон Татищеву аллегорически: «Я имею жать скирды великия, токмо мельницы нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно в отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть, для

того что долготы жизни наша ненадежна; и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести». Петр не без оснований полагал, что «зачало» он уже осуществил созданием «школ математических», а также распоряжением об устройстве школ по епархиям и губерниям. Но это было именно «зачало», так как реально действовали очень немногие училища, и вопрос заключался в том, как целесообразней израсходовать одни и те же средства: на «учителей» или на эти самые «училища». В итоге опасения Татищева оказались обоснованными: после смерти Петра «люди преславные в науках... съехались и академию основали», школы же не только не расширялись, но и прежние пришли в упадок. Академия долгое время, поглощая значительные средства, не давала необходимой отдачи.

Геннин придавал большое значение военному укреплению новых поселений (от нападения башкир и возможных волнений местного русского населения). Такого рода предложения центральные органы обычно поддерживали в первую очередь. 16 февраля 1724 года эти и некоторые другие вопросы рассматривались в Сенате в присутствии императора. Здесь же ставился вопрос о приписке к заводам новых крестьянских слобод. Сенат в целом шел навстречу просьбам Геннина. За два года он получил неизмеримо больше средств, чем мог рассчитывать Татищев получить когда-либо в отдаленном будущем. Но в Петербурге не могли не выражать беспокойства по поводу весьма значительных расходов, сопровождавших каждое очередное мероприятие Геннина.

4 июня Сенат рассматривал особые «докладные [103] пункты», поданные Татищевым. Здесь речь шла об учреждении еженедельной почты из Сибири «без тягости людской» (то есть без возложения этой обязанности на население). Решение было принято. Но, как это часто случалось, никто не собирался воплотить его в жизнь, и никто не выделил на это средств.

Другим вопросом, постоянно занимавшим Татищева, было предложение «об учинении фабрики, где бы ножи складные и столовые, ножницы, бритвы и тому подобные железные мелочи, к тому обучались бы крестьянство и могли б работать для своей и государственной пользы». Этот вопрос тоже был решен таким образом, что дело не сдвинулось с места.

Предлагая создание фабрики разных металлических мелочей, Татищев преследовал две цели: во-первых, освоить на месте производство необходимой для широкого потребления железной продукции, чтобы сократить объем перевозок металла, уменьшив, так сказать, встречные перевозки; во-вторых, показать крестьянам доступность этого ремесла и в домашних условиях. Татищева ни в коей мере не привлекала государственная монополия на тот или иной вид производства и возможность получения таким образом дополнительной прибыли для казны. Наоборот. Он видел свою задачу в возможно более широком приобщении к ремеслам и торговле, а также более значительному предпринимательству разных слоев населения.

Разочарование в деятельности Берг-коллегии побуждало Татищева еще на Урале уделять большее внимание частной инициативе. Так, например, он распорядился принимать медную руду на заводы от «охочих людей», не покушаясь на самые рудники, поскольку у него все равно не было бы средств их продуктивно эксплуатировать. К тому же большинство таких рудников было весьма незначительных размеров. Широкий размах строительства казенных предприятий, начавшийся с приездом Геннина, ничуть не поколебал этой убежденности: слишком дорого обходился казне каждый пуд произведенного на этих заводах металла, намного дороже, чем на частных предприятиях. И ранее Татищев считал целесообразным оставлять за казной только крупные, достаточно прибыльные действующие и легкоуправляемые (и контролируемые) предприятия. Теперь же он в

государственной поддержке частного [104] предпринимательства видит наиболее целесообразный выход вообще.

Вскоре Татищеву представилась возможность изложить на бумаге предложения о наиболее целесообразных способах эксплуатации медных рудников по речке Полевой и в верховьях реки Чусовой. Верховья этой реки издавна считались владениями Строгановых, и Строгановы, естественно, стремились отодвинуть от своих рубежей казенные заводы. Может быть, поэтому они сами или через чье-то посредничество вошли к царю с ходатайством передать эти рудники в компанию «охочим людям». Петр поручил Татищеву составить проект условий, на которых это можно было бы сделать.

Татищев, очевидно, решил воспользоваться поручением для того, чтобы предложить новую форму предпринимательства. В основу его проекта была положена задача привлечения большего числа участников и, следовательно, больших средств. С этой целью он предлагал «позволить горным начальникам участие иметь, яко и посторонним протчим охотникам, как о том в протчих царствах позволено». Иными словами, предполагалось участие в компании и работников самой Берг-коллегии, что должно было бы более заинтересовать их в расширении производства, а также в повышении его доходности. Трудно сказать, имел ли намерение сам Татищев войти в такую компанию (он вряд ли располагал необходимым капиталом). Но Геннин о таком желании заявлял, хотя к идее Татищева он отнесся резко отрицательно.

Расхождения у Геннина с Татищевым возникли, собственно, не из-за идеи, а ее воплощения. Татищев «для лучшего размножения и охоты других» предлагал дать компании большие льготы. По его плану, казна брала на себя расходы по содержанию укреплений, должна была помочь с подысканием мастеров (русских и иностранных), приписать необходимое число крестьян, давать ссуды на определенный срок без процентов, освободить на двадцать лет от уплаты десятины, разрешить переработку меди (не поставляя ее в казну в слитках) в готовую продукцию.

Предложение Татищева Петр нашел вполне разумным, но преждевременным. Пока медь добывалась казной для того, чтобы заменить мелкую серебряную монету медной. И в резолюции Петр указал: «Делать одне [105] деньги, пока так умножатся, что копейки переведутся: тогда сие позволить».

Свой проект Татищев попытался осуществить десять лет спустя в несколько ином виде, что в итоге принесло ему немало неприятностей. Пока же проект был передан в Берг-коллегию, а та запросила Геннина о его мнении.

Геннин решительно не согласился с предложением Татищева. К весне 1724 года из Полевских рудников уже было выплавлено 1500 пудов меди. Руда оказалась богатой и удобной для добычи. Геннин в письме Петру от 4 апреля 1724 года категорически возражает против передачи заводов частным лицам. Он убеждает царя, что «иной умыслом будто радеет и хочет заводы строить, опасаясь, чтоб государь на оной земле заводов не строил и не селился, и потом, когда привиллегию возмет, тогда год за год будто руд ищет, а ничего не учинит; и так оное завалится и забудется и ни его, ни твои заводы не строятся».

Геннин, конечно, имел в виду Строгановых, которые стремились не допустить разработки руд в их владениях. Позднее они все-таки включились и в непосредственную промышленную деятельность и, должно сказать, делали это с большим успехом.

Поскольку коллегия и от себя заставляла Геннина высказать мнение о проекте Татищева, он снова обращался к Петру и в коллегию, возражая против передачи завода в частные руки. В случае же если будет принято решение отдавать заводы частным компаниям, он просил два новых Пыскорских завода передать ему в компании с Соликамским бургомистром Турчаниновым и тем же Строгановым с

обязательством выплатить за три года медью стоимость завода и уплачивать десятину. На таких условиях, по его мнению, следовало отдавать и иные заведения, в частности Полевские рудники.

Столкновение Татищева и Геннина имело, конечно, но личный характер (хотя натянутость в их отношениях, очевидно, усилилась после упомянутого донесения Геннина в Берг-коллегию). Речь шла о двух существенно разных взглядах на пути развития отечественной промышленности. Представляя казну, Татищев и сам был ярым сторонником укрепления казенных заводов. Но цель у него в конечном счете заключалась не в укреплении дворцового хозяйства, как понимал задачу, например, [106] Геннин, а в подъеме благосостояния страны в целом. Там, где казенные заводы действовали достаточно прибыльно и успешно соперничали с частными, они работали как раз на эту идею. Но опыт показывал, что в целом они были в значительно более худшем состоянии, чем частные. Поддерживать казенные заводы на должном уровне могли только такие деятели, как Татищев или Геннин, да и то при условии их непосредственного выхода на императора, а не на Берг-коллегию. Но подобных им деятелей было наперечет. При этом и Геннин был на Урале человеком временным, и Татищев ехать туда не собирался. В конечном же счете речь шла о чисто феодальном или буржуазном (насколько это позволяли крепостнические отношения в стране в целом) направлении развития промышленности.

В июне 1724 года сенатским указом Татищев был произведен в советники Берг-коллегии с жалованьем шестьсот рублей в год. Берг-коллегия должна была решить, каким образом распределяться обязанности их с Михаэлисом после отъезда из Сибири Геннина. Но Геннин вошел во вкус и теперь уже не хотел уезжать с Урала. Еще более не хотел возвращаться туда Татищев. «Что г. капитан Татищев пожалован советником и сюда в Сибирь будет, - писал Геннин в коллегию, - то воля государева, как он изволит. И хотя его господь бог довольно разумом благословил, однако, волею божиею, бывает больше болен, нежели здоров, и хотя он и желает трудиться, да болезнь его не допускает, и завсегда по заводам ходить и присматривать, також и на другие заводы ездить ему трудно будет. Токмо из Обер-берг-амта указами и письмами о всяких делах определить и отправлять может, и правление его действительно, понеже в оном зело искусен. Токмо надобны ему здоровые и добрые управители, которые б могли всегда по заводам ходить и на другое ездить и заводские дела управлять».

Геннин, несомненно, сгущал краски. Активности и подвижности Татищева в первый год его работы на Урале можно только удивляться. Не упоминал Геннин о частых болезнях Татищева и в то время, когда оба они находились на Урале. Но, находясь в подследственном состоянии, Татищев, конечно, не слишком старался. Здоровьем он, очевидно, не отличался. Но когда приходилось воплощать в жизнь свои замыслы, он мог преодолевать и недуги. [107]

Берг-коллегия все-таки намеревалась направить Татищева на Урал. Но он был уже приписан ко двору, а потому самостоятельно решить этот вопрос коллегия не могла. Необходима была подпись императора. Петр же в размышлении решил этот вопрос иначе. Он направил Татищева в Швецию с целым рядом поручений.

Прошло немногим более двух лет после заключения Ништадтского мира, и в феврале 1724 года был заключен русско-шведский оборонительный союз. Швеция из враждебной стала дружественной державой. Петр, как известно, высоко ценил военный и технический опыт недавних противников и демонстративно учился у пленных шведов и военному делу, и гражданскому устройству (сама система коллегий была заимствована прежде всего у шведов). Теперь представлялась возможность полнее изучить этот опыт в самой Швеции, использовать для развития русской экономики ее специалистов и, если удастся, подготовить на шведских заводах своих мастеров. Все эти задачи и были возложены на Татищева. Кроме того, Петр поручил

ему некоторые «секретные дела», не подлежащие оглашению в Сенате и коллегии. Речь, очевидно, шла о выяснении возможности поддержки притязаний на шведский стол герцога голштинского Карла-Фридриха — жениха царевны Анны Петровны. Сын старшей сестры Карла XII Карл-Фридрих имел не меньше прав на шведский трон, чем его тетка - младшая сестра покойного короля Ульриха Элеонора. Татищеву предстояло связаться с возможными сторонниками герцога в Швеции и привлечь на его сторону колеблющихся.

Легальная часть поручения готовилась при участии самого Татищева. 7 сентября 1724 года он представил в Берг-коллегию предложение о приглашении на уральские заводы шведских мастеров и об отправке в Швецию молодых людей, «знающих геометрию», для обучения горному делу. Эти две задачи почитались главными. Ему предписывалось также ознакомление с состоянием горного дела и экономики вообще, а в особенности с монетным производством. Берг-коллегия знала только об этой части поручения Татищеву и лишь эту часть его деятельности и субсидировала, причем очень неаккуратно.

Указ о новом назначении Татищева последовал 1 октября. В конце ноября он выехал из Петербурга и 4 декабря прибыл в Стокгольм. Но с самого начала миссия его протекает в крайне неблагоприятных условиях. [108] Татищев успел только представиться вместе с русским посланником Михаилом Петровичем Бестужевым шведским министрам и заболел на целых два месяца. А в январе 1725 года в результате резкого обострения давней болезни скончался Петр Великий. Татищев оказался в затруднительном положении.

Изыскивая способы сокращения государственных расходов, новое правительство отказывалось от многих намечавшихся Петром программ. 16 марта 1725 года Сенат установил чинам, занятым на гражданской службе, выдавать лишь половину жалованья соответствующего (согласно Табели о рангах) чина военнослужащих. Основываясь на этом, Берг-коллегия снизила жалованье Татищеву до трехсот рублей. Но и этого жалованья в 1725 году он не получил. Не получал он средств и для оплаты явной части его поручений, не говоря уже о тайной. В последней ему согласно указанию Петра должен был содействовать Бестужев. Но Бестужев, по-видимому, не был вполне осведомлен об императорском задании Татищеву и не поддерживал его дорогостоящих связей со шведской аристократией. Во всяком случае, оба оказываются недовольны друг другом: первый - излишней, с его точки зрения, расточительностью Татищева, а второй - безразличием дипломата к важному, как ему кажется, государственному делу.

Проще всего Татищев мог выполнить задачу ознакомления с состоянием шведской экономики, к чему и сам он проявлял наибольший интерес. Он осмотрел тринадцать железных, медных и серебряных рудников и сорок пять заводов, расположенных в разных городах Швеции, внимательно выявляя достоинства и недочеты в организации горнорудного дела и общей правительственной экономической политики. Иноземный опыт в некоторых случаях служил как бы подтверждением правильности его собственных экономических представлений. Так, Татищев отмечает, что наибольший доход шведская казна получает от «промыслов и заводов горных». Другие же доходы значительно ниже соответствующих доходов русской казны. Он считает положительным то обстоятельство, что заводы в Швеции принадлежат частным владельцам любых чинов и сословий. В итоге казна, не предпринимая никаких усилий, извлекает выгоду из промышленных предприятий. Со своей стороны, он считает, что шведская казна действует недостаточно активно. [109]

По мнению Татищева, казна должна помогать частному предпринимательству, что способствовало бы еще большему процветанию промышленности и, следовательно, дополнительному росту доходов казны.

Металлургическое производство Швеции в 1725 году значительно превосходило российское. Даже и после достаточно успешной деятельности на Урале Татищева и Геннина, а также поощрения частного предпринимательства (прежде всего Демидовых) русская металлургия давала едва более семисот-восемисот тысяч пудов металла, тогда как Швеция от трех до четырех миллионов пудов. Татищев обратил внимание на то, что шведская руда в целом такого же качества, что и русская, за самым небольшим исключением. Но, оплачивая труд рабочих вдвое выше по сравнению с русскими заводами, шведские предприниматели добиваются равной с русскими себестоимости продукции.

Вопросам справедливости оплаты труда Татищев всегда придавал первостепенное значение, и в повышении оплаты он видел главное условие для повышения заинтересованности в любого рода деятельности. Поэтому он и не мог удовлетвориться формальным равенством себестоимости. Его внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, вододействующие машины, «которые подают великую в работах помощь», во-вторых, наличие училищ, в частности «особливой экономической школы», в которых готовят «искусных людей» для горного дела и разных ремесел. Он, например, обращает внимание на то, что плотины для приведения в действие механизмов делаются в Швеции не из «земли и камня», а лишь из брусьев и досок, в результате чего себестоимость снижается в десять раз (триста рублей вместо трех тысяч), а работы, на которых в России бывает занято пятьсот человек, выполняются всего пятьюдесятью. Плотины из земли и камня обычно размывались весенним половодьем и требовали постоянных дополнительных затрат на их ремонт, «а сию, — писал Татищев, — в несколько часов тремя человеки починить возможно». Чтобы показать преимущества подобного рода плотин возможно более широкому кругу русских предпринимателей, Татищев предлагал «на удобном месте при заводах таковую построить» и одновременно «чертежом в народе объявить».

Даже преданный идее государственного блага император не смог создать административной машины, [110] работавшей в том же направлении. Бюрократический аппарат привык служить прежде всего царю, не очень задумываясь о том, как эта служба будет соотноситься с государственными интересами. Иностранные же наемники этих интересов попросту не замечали. Положение усугублялось тем, что Татищев был поднят и определен на новую должность самим императором вопреки намерениям Берг-коллегии. Смерть Петра сразу заставила Татищева почувствовать, как ненадежно положение даже самого ревностного слуги государства, когда оно определяется лишь расположением или нерасположением монарха. К тому же вскоре после смерти императора и Брюс должен был уйти в отставку. В данном случае бюрократия не проявляла никакой заинтересованности во внедрении новшеств, постоянно предлагаемых Татищевым. Татищев заказывал чертежи лучших шведских шахт и механизмов, а Берг-коллегия отказывалась их оплачивать. Царская бюрократия упорно подтверждала свою неспособность или нежелание действительно руководить развитием промышленности в стране, а Татищев настойчиво изыскивал средства и возможности занять денег, чтобы выполнить эти крайне важные для государства работы за свой счет.

Договорился он и о приобретении ряда машин, значительно более совершенных, чем имевшиеся в это время в России. В числе этих машин были прядильная, чулочная, машина для производства железной луженой посуды. Администрация опять не проявила никакой заинтересованности. В крайнем случае Татищев предлагал прислать в Швецию русских механиков во главе со знаменитым Андреем Константиновичем Нартовым, дабы они на месте ознакомились с этими машинами. Однако и это предложение не было принято. Соображение же Татищева о целесообразности перехода к десятичной системе мер и весов и не рассматривалось. Потребовалось почти два столетия и замена самой государственной

машины, чтобы можно было осуществить это подсказанное здравым смыслом предложение.

В итоге правительство согласилось лишь на приобретение водоливной машины, то есть насоса, откачивающего воду на кораблях. На сей раз Татищева энергично поддержал Николай Федорович Головин, служивший в русском флоте, а затем сменивший Бестужева на посту русского посланника в Швеции. Петербург затребовал машину для испытания, которое проводилось в ноябре [111] 1725 года в присутствии самой императрицы. После этого машину передали в Адмиралтейство для изучения, «чем она превосходит имеющиеся водоливные машины».

Отчаявшись в надежде получить какое-нибудь содействие со стороны Берг-коллегии, Татищев обращается за помощью к Геннину. Он пишет ему в Пермь, а затем, узнав, что Геннин находится в столице, — и в Петербург. В сложившихся обстоятельствах Татищев видел в Геннине едва ли не единственного человека, которого можно было побудить к действию Соображениями государственной пользы. «Я здесь, - писал он, - у славных механиков Полгейма, Дура и Нильсона, такие искусные и весьма государству полезные машины видел, что дивиться миру надобно. Потому я представил, дабы прислать человека искусного в механике, а особливо токаря Андрея Константинова или из артиллерийских офицеров, ежели прилежного к механике знаете, и с ним искусных кузнецов и столяров, дабы оные могли основательно понять и сами такие сделав здесь, к великой корысти государственной в России употребить». «Ежели бы я имел деньги оные купить, - добавляет Татищев, - воистину для пользы отечества и славы нашей государыни императрицы... не жалел бы всего отеческого имения положить, ежели бы возможность токмо имел».

Геннин, конечно, понимал, что от Берг-коллегии, да и от самой императрицы, Татищеву трудно ожидать реальной помощи. Он сам незадолго до этого писал Петру, что если царь своей властью не распорядится выдать жалованье штату горных работников, включая и его, Геннина, то от коллегии они жалованья не дождутся и за год. Геннин предупреждал царя, что горным работникам придется добывать средства к пропитанию сомнительными способами, поскольку нищенствовать им неприлично и этого он не может допустить. И теперь Геннин не нашел ничего лучшего, как посоветовать Татищеву больше запоминать, дабы можно было обойтись без машин и чертежей.

Татищев так и делал. Но ему было досадно. Досадно за тупость и упрямство администрации. Договорился он «с здешним славным обер-маркшейдером Гейслером чертеж ямы Фалунской на 25 листах, да чертежи всех машин в плане и профиле перспективически на 10 листах большой александрийской бумаги... за 100 червонцев (около 200 рублей) сделать, которое [112] французский посланник за один чертеж токмо дать не жалел, но мне коллегия запретила». Положение было именно таково. Французский посланник за небольшую часть работы, организованной Татищевым, готов был дать столько, сколько с Татищева брали за все чертежи. Но коллегию это не интересовало.

Не лучше обстояло дело и с вопросом о найме шведских специалистов. Шведское правительство препятствовало выполнению этой задачи Татищевым, поскольку по традиции стремилось противодействовать всему, что могло способствовать усилению мощи Российского государства. Обойти эти препятствия можно было только одним путем: договариваясь с «искусными людьми» в частном порядке, подговаривая их ехать в Россию. Татищев обратился с соответствующим предложением в коллегию, рассчитывая получить от нее средства, необходимые для «дельных подарков» лицам, через посредство которых можно было бы организовать найм мастеров. Коллегия и в данном вопросе заняла непреклонную позицию, и

Татищев жаловался опять-таки Геннину: «Как вы известны, таких дел трубкою табака не сделаешь, а особливо здесь, где деньги паче лучшего оратора желание и требование внушить могут».

Раздражало Татищева и полное безразличие коллегии к вопросам, так сказать, «повышения квалификации» самих руководителей горного дела в России. По предварительному обговору с Петром, Татищев предполагал после Швеции посетить Саксонию, чтобы сопоставить организацию горнозаводского дела в этих двух странах и за счет сопоставления четче определить круг мер, необходимых для поднятия русской металлургии и прочего производства на уровень передовых стран Европы. Необходимость поездки в Саксонию возрастала в связи с отказом шведского правительства разрешить набор для российской промышленности шведских специалистов. Но и в этом коллегия отказала Татищеву. И он снова жалуется Геннину: шведские советники постоянно ездят «по всей Европе, некоторые в Азию, Африку и Америку... и непрестанно четыре человека ездят, как скоро один прибудет, то паки иного посылают, а приехавшего определяют к заводам. И тако искусства умножаются, и корысть государственная растет. И ежели так малое и против России убогое государство такое прилежание о науках имеет и денег на то полагать с разсуждением не жалеет, то нам сугубо [113] надобно прилежать». Денег же на эту поездку Татищев просил всего триста червонных. Ровно столько же коллегия предполагала положить в год квасцовому мастеру, если бы его удалось Татищеву нанять.

Затраты шведов на научные занятия неоднократно заставляли Татищева делать грустные сопоставления. В письме к Ивану Антоновичу Черкасову, сначала сотруднику канцелярии кабинет-секретаря, а затем в 1725 году сменившему кабинет-секретаря Макарова, Татищев напоминает о поручении, данном ему Петром, подготовить представление о «землемерии всего государства». Татищев говорит, в частности, что «королю шведскому сочинение одних лифляндских землемерии и карт неколико сот тысяч стало». Правда, Татищев недоумевает: куда смогли угрохать столько денег?! Он полагает, что в «Российском так великом государстве» достаточно было бы двадцати тысяч рублей. И эти деньги скоро бы вернулись в казну за счет упорядочения земельных отношений. Но казна ни сейчас, ни в будущем не собиралась тратить на это дело и нескольких тысяч, хотя бы это и сулило реальные барыши в самом ближайшем будущем.

В числе записок Татищева было и уведомление об организации экономической школы в Швеции. Смысл этого описания заключался в побуждении правительства организовать подобную школу в России. Но на такого рода реакцию властей Татищев вряд ли и сам надеялся.

После смерти Петра Берг-коллегия стремилась побыстрее свернуть программу деятельности Татищева в Швеции и вернуть его домой. Она легко примирилась с тем, что не удавалось наембовать специалистов: Татищев в частном порядке завербовал лишь одного гранильщика Рефа, который позднее работал на Урале с мрамором и драгоценными камнями. От Татищева требовали только устройства русских учеников, после чего предлагали вернуться домой.

Вопрос о распределении русских учеников по разным предприятиям решался сравнительно легко. Сложность здесь заключалась в другом. Хотя Табель о рангах требовала прохождения к высшим ступеням через низшие, существовало сословное разделение чинов и должностей. Так, дети дворян должны были учиться и специальности, соответствующей их сословной принадлежности. Попытка уравнивать выходцев из разных слоев в делах обучения вызывала резкое противодействие со стороны дворян. [114] Считаясь с этим положением, Татищев добивался, с одной стороны, более высокого обеспечения дворянских недорослей, чем разночинских, а с

другой — стремился по возможности сократить число дворянских учеников, считая наиболее нужные специальности не дворянскими.

Коллегия прислала Татищеву шестнадцать человек, из которых было восемь дворянских детей, а предписывала распределить их в основном к «черным работам». Татищев же полагал, что дворянские дети для обучения таким специальностям не нужны, поскольку им будут мешать «стыд и леность», «а понуждать их никто не будет». И дело здесь заключалось не только в том, что сами русские дворяне не были пригодны ко многим ремесленным делам, а и в особом социальном климате Швеции, где знатность происхождения почиталась куда больше, чем в России. «Стыд» предполагался именно со стороны шведов, которые непременно выразили бы пренебрежение к дворянам, занявшимся недворянским делом.

Коллегия, по-видимому, не понимала особенностей сложившегося положения. Ее чины видели в соображениях Татищева лишь очередное проявление его «строптивного» характера. Они ссылались на то, что сходная ситуация в Англии и Голландии не вызвала никаких осложнений. В этих буржуазных странах их и действительно не было. Другое дело — аристократическая Швеция. Татищев опасался также, что, даже если дворяне и переживут в Швеции все злословия и унижения, они окажутся бесполезными в России, поскольку их нельзя будет заставить обучать полученной специальности «подлых».

Именно особенность положения дворянских учеников в Швеции заставила Татищева идти на такой шаг, который как будто не одобряла отнюдь не чуждая сословных предрассудков коллегия. Татищев старался подчеркнуть преимущество дворянских детей перед «подлородными» выделением им относительно большей доли средств на содержание. Так, дворянскому сыну на платье выделялось 64 рубля, а разночинцам - 112 рублей на пятерых. Соответственно за квартиру и на питание дворянину полагалось 51 рубль 20 копеек, а пятерым разночинцам выделялось 192 рубля (то есть менее чем по сорок рублей). Расхождение, очевидно, возникало за счет неодинаковых квартир, нанимаемых для дворян и для не-дворян, и, конечно, дворянина должна была выделять его одежда. [115]

Отпущенные средства были, конечно, немалыми, особенно если вспомнить, что работные люди на заводах получали всего шесть рублей в год. Но их нельзя было счесть и значительными, даже если и не сопоставлять с закупками императрицей Екатериной одних только венгерских вин на семьсот тысяч рублей. Во всяком случае, ученики жаловались и Татищеву, и на Татищева, считая такое обеспечение совершенно недостаточным. Их претензии в полной мере поддержал и Головин. Он писал, в частности, в Берг-коллегию, что «ученики жалуются на онаго Татищева, что как за квартиры, так и платье по определению его им дано очень скудно и о прибавке его, Татищева, непрестанно просят. Но он не токмо прибавить, но сказал мне, что в предбудущей год велено ему еще убавить». «Я вижу, - заверял Головин, - что за такие малые деньги для великой дороговизны здесь содержать их невозможно, ибо лакея здесь за шестьдесят рублей никоим образом со всем убраться в год невозможно, того ради непрестанно и мне о деньгах докучают». Головин высказывает опасение, что «от такого недостатку могут оставить повеленную науку и искать пропитания иным способом, как мне сказывал оной Татищев, что некоторые из тех учеников хотели уйти и записатца в салдаты от такого скудного определения».

Дороговизна в Швеции по сравнению с Россией распространялась и на продукты, и на одежду, а в особенности на услуги. Головин, конечно, вполне разделял мнение Татищева о том, что русский дворянин должен был выглядеть в Швеции, по крайней мере, не хуже лакея, убранство которого стоило шестьдесят рублей в год. Коллегия с престижной стороны в данном случае не беспокоилась, ссылаясь на правила, принятые в России, где учащиеся имели одинаковую для всех ученическую форму.

Скудное содержание учеников беспокоило Головина еще и потому, что ему предстояло принять их от Татищева и взять далее на себя ответственность за их поведение. А брать все это на себя Головину, естественно, не хотелось. Незадолго до его назначения посланником один из двух находившихся здесь ранее учеников, Семен Мальцев, куда-то сбежал, а другой, Федор Немчинов, гулял и пьянствовал, не проявляя ни малейшего интереса к наукам. Поэтому Головин предлагал нанять специального смотрителя за триста рублей жалованья, то есть [115] такого жалованья, которое должен был получать (и не получал) Татищев, имевший еще огромное множество более сложных поручений.

Одним из важнейших дел, которым Татищев надеялся принести наибольшую пользу отечеству, были его собственные научные занятия, встречи с разными учеными и приобретения книг по различным вопросам. Буквально с первых дней своего пребывания в Швеции он отыскивает некоторых своих старых знакомых и через их посредство устанавливает тесные отношения со многими видными учеными и общественными деятелями тогдашней Швеции.

Знакомство с учеными кругами Татищев осуществил, по-видимому, с помощью ранее находившегося в плену шведского офицера Филиппа-Иоганна Табберта, получившего по возвращении на родину в 1723 году дворянское звание и фамилию Страленберг (Татищев на немецкий манер называет его Штраленбергом). Татищев встречался с ним в Тобольске в 1720 году и, видимо, уже тогда заинтересовался его замыслом написать труд по этнографии и географии Сибири. О покровительстве со стороны Татищева шведским пленным офицерам, очевидно, хорошо знали и бывшие военнопленные, и их знакомые в Швеции. Поэтому неудивительно, что шведские ученые оказывают Татищеву всюду активное содействие. В научных исканиях у Татищева все отчетливее вырисовывается интерес к истории и географии. Этим областям знаний он и посвящает большую часть своих занятий. Известный автор работ по истории и теологии профессор Упсальского университета Бенцель (Бенселиус - в транскрипции Татищева) сообщил Татищеву о находящихся в упсальской библиотеке во «множестве» «российских древних гисторий и прочих полезных книг» и разрешил сделать с них копии. Татищев составил «ропись» этих книг (семнадцать наименований) и отправил в Петербург. При содействии Бенцеля в периодическом собрании документов шведской истории в 1725 году была издана на латыни заметка Татищева (в форме письма к Бенцелю) о находках костей мамонта в Сибири. Это была первая и единственная прижизненная публикация Татищева. Заметка вызвала большой интерес в научном мире. В том же году она была переведена на шведский язык. Затем перепечатана на шведском языке в 1729 году. В 1743 году статью перепечатали также в Англии. [117] В 1730 году только что открывшаяся Академия наук в Петербурге пыталась дать ее в своих «Примечаниях к Ведомостям», где появилось ее изложение. Но полный текст, заново проверенный и подготовленный к изданию на русском и немецком языках самим Татищевым, вышел в свет лишь в самое недавнее время.

По заказу Татищева секретарь коллегии древностей Эрик Юлий Биорнер (1696—1750) делал из шведских рукописей выписки, относящиеся к «гисторий российской». Биорнер незадолго до приезда Татищева совершил путешествие по северу Швеции с целью осмотра древних курганов, рунических надписей на камнях и иных древностей. Помимо того, он был лучшим знатоком древних саг. В сагах и надписях на камнях он встречал упоминания о варягах (Берингах). Знал он также, что, по русским историческим преданиям, записанным в летописях, варяги были основателями княжеской династии на Руси. Уже несколько позднее, в 1743 году, была издана его работа о варягах. Автор знал, что такого народа в Швеции никогда не было. И он доказывал, что варяги — это «сберегатели границ», служившие у

шведских и других скандинавских королей. Родоначальником этой сторожевой службы он считал Тригва, жившего, по расчетам Биорнера, в VI веке. Потомками этих варягов были, полагал он, легендарные Рюрик с братьями.

Коснулся Биорнер и вопроса о происхождении Руси. Он считал, что руссы — это славянский народ, поселившийся в районе Ладожского озера. Татищев, очевидно, уже был знаком с точкой зрения (точнее, с ходом рассуждений) Биорнера, почему позднее также ищет разрешения варяжского и русского вопроса в Приладожье.

Мнение Биорнера интересно и как первая реакция на возникновение норманской теории. В начале XVIII века, по традиции, варягами считали население южного берега Балтики, и спор велся лишь о том, был ли, например, Рюрик славянином-вендом или германцем. Эти две точки зрения соперничали и в исторических рассуждениях ученых людей из германских герцогств на побережье Балтики. Зигфрид Байер, приехавший в Россию с открытием Академии наук, выдвинул теорию, что варяги и руссы — это норманны, то есть принадлежащие к германскому корню племени шведов, датчан и норвежцев. Схема эта, кстати, удерживается и до сих пор почти в том же виде. Биорнер, понимая ее неосновательность и [118] умозрительность, предложил иное объяснение (впрочем, также умозрительное).

Тесные взаимоотношения поддерживал Татищев и со Страленбергом. Он пытался заинтересовать русское правительство трудом Страленберга, поскольку речь шла об описании Сибири. Сам Страленберг готов был посвятить свой труд Петру I и в предисловии «обещал многая его величества вечной памяти достойныя дела изобразить». В XVIII веке посвящение труда тому или иному деятелю обычно означало, что это лицо берет на себя расходы по изданию. Татищев уже 2 января 1725 года сообщал о желании Страленберга в Петербург, надеясь заинтересовать возможностью издания книги самого Петра. Но Петр вскоре умер, а больше никого в Петербурге эта идея интересовать не могла. В конечном счете книга вышла несколько лет спустя с посвящением шведскому королю Фридриху.

В Стокгольме Татищев общался также с известным ученым Генрихом Бреннером (1669—1732), знатоком восточных языков. Бреннер также с 1700 по 1722 год находился в русском плену, что придало его восточным занятиям большую широту. Татищев получил от Бреннера немало толкований отдельных топонимов и терминов, встречавшихся в различных источниках, что было им позднее использовано в «Истории Российской».

В письмах Черкасову Татищев сообщает и «о госпоже Бреннеровой, которая в стихотворении не только в Швеции, но и в других государствах славу имеет». Татищев ничего не написал о Петре I ни при жизни царя (он считал при жизни вообще неприличным писать о ком-либо), ни позднее. Но, находясь в Швеции, он настойчиво занимался вопросом возможного прославления русского императора. Ему виделся в этом один из путей «к славе и пользе российской». Он готов был помочь Страленбергу сочинить посвящение Петру. Теперь же он пытается натолкнуть на эту мысль кузину Генриха - Софию Бреннер (1669-1730).

Интересно, что длительная Северная война ничуть не усилила этнического антагонизма между русскими и шведами. Скорее даже наоборот. Многие шведы, побывавшие в русском плену, вывели самые благоприятные впечатления и о стране, которая оказалась на редкость доброжелательной и гостеприимной, и о самом императоре, благоволившем иноземцам более, нежели своим [119] соотечественникам. София Бреннер по своей инициативе написала стихи на коронацию Екатерины I и направила их в Петербург. Теперь она готова была согласиться с предложением Татищева и написать поэму о Петре. Но она хотела, прежде чем приступить к работе, получить одобрение Екатерины. «Она тем отговаривалась,— пишет 9 апреля Татищев Черкасову, — на посланное от нея к

коронации ея величества никакой отповеди получить не могла, того ради оное до днесь не печатано». Татищев обещал заплатить за свой счет. Но просил поставить в известность Екатерину: «Мню, что сто червонных довольно б ей было». В данном случае Екатерина выслала сто червонных и золотую медаль о коронации. К собственному прославлению она все-таки не была безразличной.

Уговаривая Софию Бреннер, чтобы «она для бессмертной славы его императорского величества величайше ниже в стихах изобразить потщилась», Татищев составил своего рода проспект, копию которого отправил в Петербург, Речь, конечно, шла об официальном панегирике. Тем не менее кое-что в этом иконописном образе было и от татищевского идеала. Первый тезис Татищева гласит, что Петр побеждал не силой, а «благоразсуждением и храбростию». Второе положение прямо должно было ответить на волновавший некоторых шведов вопрос: в какой мере можно было полагаться на союз с Россией? Тезис Татищева гласил, что Петр «союзников и приятелей, не взирая пременностей оных, для утверждения своего постоянства и славы отечества до конца был защитник и охранитель».

В двух пунктах Татищев говорит о покровительстве Петра наукам и ученым людям. В поэме надо было показать, что Петр «манифактуры и купечество многократно размножил, вольные науки и искусства открыл, суеверие опровергл». В заслугу царю ставится также упорядочение правосудия, искоренение несправедливостей и издоимства (в смысле лихоимства), чего, полагает он, не было до сих пор ни в монархиях, ни в республиках.

В отношении дворянских недорослей Татищев сомневался, будут ли они учиться и захотят ли передавать свои знания ученикам из «подлого» сословия по возвращении в Россию. Но в числе ценнейших качеств Петра он выделяет как раз его владение многими недворянскими специальностями, в особенности токарным [120] искусством, «в котором подобного себе не имел». Социальных вопросов в данном случае Татищев не затрагивает. Но задача правителя и правительства нарисована им весьма четко: забота о благосостоянии отечества путем развития промышленности, наук и просвещения.

Будучи в Швеции, Татищев устанавливает (или возобновляет) связи также с рядом немецких и датских ученых, ведет с ними переписку. В Германию ему поехать не удалось. Но Копенгаген он все-таки посетил. И целью этой поездки было прежде всего приобретение книг.

Книги, как и во все другие поездки, составляли главную статью расходов Татищева. Он неустанно пишет по всем возможным российским адресам, сообщая об имеющихся книгах и предлагая купить их для казенных библиотек или в частные собрания. «Ежели б я деньги мои имел,— писал он Черкасову,— то б я все здешния до российской истории касающиеся книги купил, на которое надобно до ста червонных, и ежели бы занять мог, то б не жалел, ибо многое, нам неизвестное в древности находится».

Кунсткамера согласилась взять за свой счет десятка два разных книг, а также ряд картин и коллекций медалей. Некоторые книги оказались весьма дорогими. Так, заказанная Павлом Ягужинским книга «о чинах цесарских» стоила двести рублей. Значительно больше, очевидно, купил Татищев книг для себя. 27 сентября 1725 года он отправил из Христианштадта «ящик с книгами и с коллежскими письмами за печатью штокгольмской таможни». Татищев просит Черкасова сохранить эти книги до его возвращения в Петербург. Видимо, это была не единственная посылка.

По своей инициативе Татищев задумал собрать сведения о всей коммерческой деятельности Швеции. Ему удалось получить «табель» о торговле стокгольмского порта за 1723 год. Он полагал, что такие же сведения надо было бы иметь и по другим торговым центрам Швеции, но явное безразличие Кабинета вызывало у него беспокойство: «То удерживает,— писал он,— что не всяк знает, колико оное потребно

нам ведать, и может быть, что вместо благодарения за такие расходы, могу оскорбление понести. Однакож мя за неколико червонных оных достать, и оныя, ежели не примут, за благо про себя удержу». «За благо» правительство Екатерины добытые Татищевым сведения принимать не хотело. [121]

Пребывание в Швеции явилось большим стимулом к осуществлению давнего намерения написать историю России на широком фоне всемирной истории. Поэтому Татищев собирает исторические сочинения, касающиеся разных европейских стран, а также сочинения древних авторов. Интересуют его также вопросы общей государственной экономической политики и постановки образования. Он высоко оценил действовавшее в Швеции специальное училище «для пользы горных заводов», о чем сообщал в отчете на имя императрицы от 17 октября 1726 года.

На протяжении 1725 года Татищеву из Петербурга неоднократно напоминали о необходимости немедленного возвращения и отправки на Урал. Но вернуться он не мог, так как у него не было денег для погашения долгов и на дорогу. Доверенное лицо императора оказалось за рубежом в положении, унижительном для великой державы. Жалуясь на свое бедственное положение, Татищев писал Головину: «В коллегия же хотя многократно о присылке денег писал, но отказ с гневом вместо денег получил, ис которого вижу, что они моим письмам не верят и поставляют здешнее мое разорительное и каждочасно досадное житье в самохотную и бездельную прихоть». Головин в целом поддерживал и действия и траты Татищева. Он настойчиво разьяснял это в доношениях петербургским чинам, сожалея, что не имеет собственных средств, чтобы покрыть долги Татищева или дать ему ссуду в долг (долги в общей сложности составляли 2600 рублей, израсходованных на разные приобретения для казны). Коллегия вынуждена была уступить этим настояниям. Деньги наконец выслали. 12 апреля 1726 года Татищев покинул Швецию. В конце апреля он был в Ревеле, а в начале мая прибыл в Петербург.